

HEBA

5 • 2023

Борис БАРТФЕЛЬД

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮЛЯ

Слепой июль, уставший от жары,
На ощупь собирающий дары,
Где вишни наберет, где земляники,
Звонящих пчел небесные хоры,
Здесь девушка в серебряной тунике
Проходит сквозь миры, как сквозь дворы.

Весь город погружен в цветенье липы,
Вы слышите, доносит ветер всхлипы,
На Линденштрассе лающие крики,
Но мы с тобой покуда не убиты,
Пока на нас с небес взирают лики
Великих предков и простых учителей.

Все отразилось в этом кратком миге —
Кровь на траве, разорванные книги,
Тень Канта на обшарпанной стене,
Пред ней Магистр, Король, безликий
Диктатор в ликующей на улицах толпе.

* * *

Медлителен и скор,
Тягуч и быстротечен,
Мой август до сих пор
Тревожен, хоть беспечен.
Жужжание пчелы и перестук дождя,
Томленье тишины и дальняя гроза,
Все отзовется в нас, как позднее дитя,
Ты в августе к воде клонишься, как лоза.
Так много рук и плеч
Я вижу сквозь туман,

Борис Бартфельд родился в 1956 году в пос. Новостроево Калининградской области. Окончил университет по специализации «Теоретическая физика». Член Союза российских писателей. С 2010 года — председатель Калининградской областной писательской организации (в составе Союза российских писателей). Главный редактор журнала «Балтика». Автор двенадцати книг художественной прозы и поэзии, книг по истории края. Организатор международных литературных конкурсов и фестивалей. В том числе «Русского Гофмана», Курановского конкурса миниатюр, конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной». Живет в Калининграде.

Елена КРЮКОВА

ЛАЗАРЕТ

Роман

*Памяти великих русских хирургов:
святителя Луки (Валентина
Феликсовича Войно-Ясенецкого)
и Николая Михайловича Амосова*

ФРЕСКА ПЕРВАЯ. СЕВЕРНАЯ СТЕНА

Раскрой же двери. И войди, войди сюда босиком. Ты легчайшая легких, ты добрейшая добрых. Кто тебя разберет, девчонка ты или музыка. Я тут лежу, лежу себе, лежу; а тыходишь и глядишь на меня, ты принадлежишь к существам, что не могут говорить, а только молчат, молчание твое хрустально, беспечально, изначально. Я бы возомнил, что ты мне снишься, да видишь, я здоровою рукой крещусь и благодарен я Господу, благодарен воздуху, коим дышу, что плечо мне раздробили левое, а не правое, и я могу шевелить рукой и накладывать крестное знамение. Наступили такие времена, что ты, инфанта, видишь вокруг себя не тех, кто верит в Бога, а лишь тех, кто верит в кровь и злобу. Ты благородна, а я тебе тоже благодарен. Вот лежу я тут, лежу. Губы уже не дрожат, они только тихо, слабо улыбаются, и я могу беседовать с тобой лишь сердцем, а это всего лишь кровавый комок, весь оплетенный прутьями и лозами плодородных сосудов, как часто я видел его в красной слизи, а он бился у меня под руками в резиновых перчатках, взбрыкивал, хотел вырваться из клетки костей, убежать, утечь в небеса, — а я хищно хватал его, сжимал в кулаке, ритмично сжимал, как мяч для гимнастики ладони с перерезанными сухожилиями, — ах ты, инфанта в трапезке, не пугайся моих мыслей, я тебе еще не то расскажу, приучайся меня не бояться, — и тот кусок плоти, что, по нашим детским верованиям, полон добра и любви, яростно бился у меня в ладони, а потом вдруг застывал алой глыбой, мертвой очи-

Елена Крюкова родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик, искусствовед. Автор книг стихов и прозы («Юродивая», «Врата смерти», «Рай», «Беллона», «Тибетское Евангелие», «Солдат и Царь», «Побег», «Земля», «Хоспис», «Иерусалим», «Оборотень» и др.). Лауреат премии им. М. И. Цветаевой («Зимний собор», 2010), премии Za-Za Verlag («Танго в Париже», 2012, Германия), Кубка мира по русской поэзии (2012, Латвия), Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» («Старые фотографии», 2014, «Солдат и Царь», 2016, «Вера», 2019), международных литературных премий им. И. А. Гончарова («Беллона», 2015), им. А. И. Куприна («Семья», 2016), им. Э. Хемингуэя («Беллона», 2017, Канада), Южно-Уральской премии («Старые фотографии», 2017), им. С. Т. Аксакова («Хоспис», 2019), ДИАС («Евразия», 2019), им. Ф. И. Тютчева («Созвездие Лебеда», 2020), им. Н. Н. Благова («Вера», 2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, Украина, Беларусь, США, Канада). Создатель арт-проекта «Театр Елены Крюковой».

панной курой, и я, молясь о продолжении жизни, наклонялся над ним, скользким, облитым кровью, и даже дышал на него. Так дышат на морозное стекло.

Я сам, дитя, стал морозным стеклом. Подыши на меня! Отогрей меня!

Вот, вот, видишь, ты подходишь ближе. Еще ближе, не страшись. Твои зрачки, две букашки, ползают по мне, изучая, дивясь, а я-то гляжу на тебя не глазами: у меня их нет. Один затянут бельмом-паутиной, другой мне выбили, когда мучили меня. Про это я тебе не буду. Не настало время. Я слышу, как твои босые ноги шаркают по давно не мытым половицам лазарета. Вот лежу я здесь на железной койке, один, как царь, и железная сетка не прогибается подо мной, такой я легкий. Ты тоже легкая! Ты легко дышишь! Я слышу твое дыхание, оно слетает ко мне бабочкой!

Иногда я слышу, как ты бродишь по унылой палате и возишь по полу щеткой. Я вижу сердцем твою щетку: длинная ручка, седая щетина, вся повывлезла. Две твоих тощих косички связаны на затылке корзиночкой и упрятаны под ярко-красный платок. Да, платок у тебя на лбу цвета крови, он повязан плотно, палец под суровую ткань не протолкнешь. Сколько тебе лет? Десять? Тринадцать? Пятнадцать? Ты слишком худенькая, поэтому твой возраст можно перепутать. Думаю, двенадцать тебе. Двенадцать апостолов ходили по горячим пыльным дорогам за Христом, а ты тут ходишь за больными. И не за деньги наняли тебя; тебя приневолили, тебе приказали. Ты послушалась, а что было делать? Скажи спасибо, тебя кормят. Швыряют в миску старинным оловянным половником жидкую кашу.

А ты неслышно подходишь ко мне, садишься на край моей койки, моего железного последнего корабля, и кормишь меня. С ложечки. Оловянная миска дрожит на твоих коленях, она живая. И чую я себя ребенком, и стыдно мне, и сладко, и больно, и яростно, и ничего тут не поделатъ; я ловлю губами скользкую с ложки в небытие собачью кашу и думаю: нет, это еда не для прелестных инфант, это еда для уходящих с лика земли в ночные небеса.

Там плавают рыбы-звезды. Дрожат поплавки планет. Милая, я в юности любил рыбачить. А когда рыбы наловлю, костерок разожгу, котелок на огонь водружу, разрезаю изловленных серебряных и золотых рыб вдоль брюха, прямо посредине подрагивающих красных плавников. Красный Мирь! Кровь везде. Я вычищал ножом у рыбы из брюха кишки, а она еще дергалась, и я опускал ее в булькающий кипяток, в адский котел, и не ведал я тогда, что буду не рыбам — людям животы разрезать. Ребра ломать. Мышцы кромсать. А потом крепко сшивать. Нить, которою сшивают людские раны, должна быть крепкой и мягкой.

Это как любовь: она вместе и сильная, и нежная.

Милое дитя, ты знаешь, я нахожусь внутри твоей картины. Ты же не живая, нет. Ты — нарисована. Я слышу тебя душой, вижу сердцем, обнимаю духом, а где твое тело? А где мое тело? Мы сами себе снимся. Я то и дело погружаюсь в сон, а что еще прикажешь делать в лазарете? Спать! Спать! Неужели тебе не снится твоя свита, твой веер из павлиньих перьев, твоя собака, твоя рыжая кошка, твои слуги, твои высокородные родители? Их отражения — вон там, подними глаза, в квадратном тусклом зеркале, высоко висящем на затянутой мрачной парчой стене. А может, это не парча, а соленые рыбы морские, на северном ветру насквозь провяленные, и не зеркало мотается, накренившись, под косым деревянным потолком, а грязное окно: и в нем не королевские сытые лица, а дальние, в мутной мгле, виселицы и плахи.

Я лежу меж тобой, твоим живым шевелением, и между ледяным зеркалом, отражающим мою смерть. Нашу общую смерть, одному умирать так тоскливо, невыносимо. Нет, не бойся, придвинься ближе. Кашу я уже всю съел. Мне трудно глотать. Мне тяжело говорить. Я посылаю тебе мысли, и ты гуляешь среди них, как в чащобе мороз-

Александр ЮДИН

ЧУДЬ-ГОРА

Рассказ

Несколько лет тому назад автору этих строк довелось работать в архиве городской библиотеки города Чухломы. И вот там, среди залежей совсем ветхих изданий и старых документов мне на глаза попала зеленая папка с тесемочками, а в ней — кипа исписанных листов.

Листочки были желтые, в «лисыих» пятнах, а рукописный текст — с ятями, ерами, фитами да ижицами, то бишь писан очевидно до орфографической реформы восемнадцатого года. Я, понятно, заинтересовался, стал читать. И что же? Хотя начало рукописи отсутствовало — думаю, был утрачен лишь самый первый лист, — по всем приметам выходило, что эти листки — неизвестное письмо писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, адресованное Владимиру Ивановичу Далю.

Как известно, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Павел Иванович Мельников, он же — писатель Андрей Печерский, автор эпической дилогии «В лесах» и «На горах», был коротко знаком с создателем «Толкового словаря живого великорусского языка» и даже три года жил в его московском доме на Большой Грузинской. А впервые познакомились они еще в Нижнем Новгороде.

По ходу чтения я пришел к выводу, что, судя по многочисленным поправкам и пометкам, мне в руки попал черновик. Само же письмо, как мне думается, так никогда и не дошло до адресата. Черновик датирован не был, но поскольку речь в бумагах шла об изыскательской поездке Мельникова-Печерского в эти места по поручению тогдашнего министра внутренних дел Тимашева, мне без особого труда удалось установить, что описываемые автором события относятся к лету 1869 года. Хотя само письмо писалось спустя год после той поездки. А возможно, и позже. Содержание этого неотправленного письма настолько поразило мое воображение, что... Впрочем, лучше прочтите его сами, вот оно.

...Всей душой надеюсь, что и вы, любезный мой Владимир Иванович, в столь же добром здравии ныне пребываете. Но вернемся к приключившейся со мною поистине диковинной истории. И хотя в прожитом времени много было мною видано, много слышано и немало такого знаемо, что весьма немногими знаемо, эта история стоит особняком в силу ее особенной удивительности. При всем том смею вас уверить в ее полной правдивости. Во всяком случае рассказ мой коснется лишь тех событий, которые сам видел и про которые сам слышал. А как вам, Владимир Иванович, ведомо,

Александр Валентинович Юдин родился в 1965 году, публиковался в журналах «Нева», «Изящная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб.), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Нижний Новгород» и др. Автор трех романов. Живет в Москве.

Бог дал мне хорошую память, и где я ни был бы, что ни видел, что ни слышал, все твердо помню. И когда вздумается мне про то писать — пишу по памяти, как по грамоте, согласно старинному присловью. Коли изложение мое не стройно окажется — простите покорно, но представляя, что стало мне известно, не смею позволить себе для большей стройности изложения что-либо переиначивать. Так вот, продолжаю.

Из Нижнего я выехал двадцать первого июня вместе с моим старинным приятелем Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Вам он также хорошо известен. Помните, в свое время вы весьма высоко оценили его статью о современном состоянии русской исторической науки в «Московском обозрении» за 59 год?

Пропускаю дальнейшие не относящиеся к моей истории события и перехожу... *(Это неоконченное предложение было зачеркнуто.)* Когда мы с ним были в Урене, у самой границы Вятской и Костромской губерний, на постоялый двор, где мы остановились на ночлег, прискакал посыльный с запиской от капитан-исправника Чухломского уезда Ивана Андреевича Кокорина. В той записке исправник писал, адресуясь ко мне, что, как ему стало известно, что я нахожусь здесь по прямому указанию Александра Егоровича Тимашева с поручением провести изыскания о состоянии дел в северных губерниях, так он настоятельно просит посетить его уезд, поскольку-де в одной из деревень Алешковской волости творятся большие непорядки: завелись там, якобы, некие сектаторы — не раскольники и не хлысты, коими в Заволжье никого не удивишь, а какая-то вовсе неслыханная секта; и творят те сектаторы всякие безобразия и даже похищают для своих ритуальных целей местных девок. А продолжается-де это уж неведомо сколько лет — издавна, только прежнее полицейское начальство это все под сукно прятало, а он — Кокорин Иван Андреевич, хочет оное непотребство вытащить на свет божий и пресечь. Но человек он на должности новый, опыта не достает, при этом немало наслышан о моих прежних успехах в борьбе с расколом и ересями, о ревностном исполнении служебного долга и неумолимой суровости, с каковой я приводил в единоверие керженские и чернораменские скиты, а потому обращается ко мне с просьбой оказать помощь и содействие в расследовании, дабы изболочить фанатиков-изуверов, привлечь их *(следующие два слова были вымараны)* и прочая.

После ознакомления с сей запиской, мне на память поневоле пришел рассказ (весьма недурной кстати, а вот название позабыл) Алексея Феофилактовича Писемского, пропечатанный лет пятнадцать или более назад в «Современнике». В нем тоже ведется речь о таинственных пропажах девок, приписываемых народной молвою лешему. Причем действие, помнится, разворачивалось именно что в Чухломском уезде! На поверку же разъяснилось, что все это пустяки и виновник пропаж не в меру сластолюбивый барский управитель. Итак, изначально достоверность полученных сведений вызвала у меня серьезные сомнения. Тем не менее, я тут же собрался и немедленно выехал. Константина же Николаича оставил за себя в Урене.

И вы меня, Владимир Иванович, знаете: мог ли я устоять, услышав про неведомую и дотоле неизвестную мне секту? Да и вправе ли я был исключать возможность существования оной? Уж с какими нелепыми, небывалыми и изуверскими сектаторами не доводилось мне сталкиваться за годы службы! Чего стоят те же хлысты или скопцы, я уж не говорю про морельщиков, детоубивателей, самосжигателей, шелапунов и многих-многих других, обитавших и донныне обитающих в Брынских лесах нижегородского и костромского Заволжья. Признаться, польстило мне и сделанное исправником упоминание о прежних моих заслугах и победах. Хотя заслуги те далеко не всем пришлось по нутру. Керженские беглопоповцы, к примеру, иначе как «сыном пагубы, отступником Христовым» меня не именуют, говорят, что я-де знаком с чертями и при моем появлении гаснут свечи. В тех местах по сию пору ходит про меня одна легенда: дескать, когда я ночью увозил из Шарпана икону Казанской Богородицы —

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Светлана КОЛОКОЛЬЦЕВА

МИРЫ АЛЕКСАНДРА КОЛОКОЛЬЦЕВА

Нечто блистательное и таинственное привнесено А. Колокольцевым в современную культуру. Подчеркнутая эстетичность и композиционная завершенность гравюр, техническая безупречность мастера действительно способны поразить. Завораживающий же дар его требует внутреннего эстетического сосредоточения, многоплановости осознания восприимчивым к красоте человеком. Так кто же Александр Колокольцев? Художник ли для художников? Или выразитель прекрасного — универсальной формы бытия материального мира в человеческом сознании, раскапывающий смысл и качества явлений, доставляющего наслаждение и моральное удовлетворение сопричастностью?

Вениамин Худoley

Александр Колокольцев — один из самых глубоких и загадочных современных графиков. Его не стало в 1993 году. Оставшееся наследие — полторы сотни офортов высочайшего уровня мастерства и около тридцати экслибрисов, поражающих оригинальностью и разнообразием символики. Его работы хранятся во многих музеях и частных коллекциях Европы и США. Помимо огромного таланта, в нем сошлись и редкая образованность, и начитанность, и невероятное трудолюбие, и умение учиться у старых мастеров. Ему было отпущено очень мало времени — всего 39 лет. Но сравнивая его ранние офорты с работами последних лет жизни, невозможно не оценить, какой огромный путь художник прошел всего за 15 лет профессиональной работы в этой сложнейшей технике.

Он родился в Ленинграде в 1954 году, и сколько себя помнил, всегда читал и рисовал. После окончания Высшего художественно-промышленного училища им. В. Мухомовой (теперь Академия им. Штиглица), в котором он блестяще защитил диплом по специальности «Интерьеры и оборудование», и службы в армии, где именно в этот год потребовался художник для оформления стендов с наглядной агитацией, он, изголодавшись за год по возможности заниматься любимым делом, сразу бросился рисовать. Главное, чем ему хотелось заниматься, это офортом. Но офорт — сложная техника, требующая и особых материалов, и оборудования. Офортную бумагу можно было купить в Союзе художников, но все остальное — цинковые и медные доски

Светлана Ильинична Колокольцева родилась в 1956 году в Ленинграде. Окончила Художественно-графическое педагогическое училище, преподавала декоративно-прикладное искусство. Проза и стихи печатались в альманахе «Акт», каталогах ЦВЗ «Манеж», антологии петербургской поэзии «Актуальная поэзия на Пушкинской, 10» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

и азотную кислоту для травления — приходилось доставать с большим трудом, а за керосином, необходимым для обработки поверхности офортной доски, ездить на электричке в пригород. Печатный станок удалось приобрести «по случаю»: умер бывший хозяин, и родственники продавали ненужное. Понятно, что для работы со всем этим требовалась мастерская, тем более что печатный станок дома не поставишь. Теоретически мастерские предоставляли членам Союза художников. В СХ Александр вступил с первого захода, но мастерскую все равно пришлось снимать самому.

Что касается техники офорта, всему пришлось учиться самостоятельно. Это сейчас все есть в Интернете, а тогда нужно было просиживать в библиотеке, перерывая кучу литературы. В Мухинском этому не учили. Он много экспериментировал с разными техниками. Пробовал меццо-тинто и сухую иглу, но остановился на классическом офорте. И теперь его работы абсолютно узнаваемы, в том числе и благодаря ювелирной технике — точности и высокой плотности штриха, тем не менее оставляющей ощущение прозрачности и перспективы. Но главное, каждый его офорт — это повествование, характерное смысловой многослойностью. Поэтому люди с самым разным уровнем восприятия бывают одинаково очарованы тем, что и как он рассказывает с помощью своих персонажей. А ими становится все, что попадает в поле изображения.

Ранние его работы мало известны любителям графики. В них еще нет того нерва и не проявлен тот высочайший уровень художественного мастерства, который позже поставит Колокольцева в один ряд с лучшими мастерами офорта и явно обозначит его как наследника традиции Дюрера.

Но уже в начале 80-х его графические листы стали появляться в «Лавке художника» на Невском и быстро привлекли к себе внимание искусствоведов и коллекционеров оригинальностью идей и совершенством воплощения замысла.

«Апраксин двор», наверное, один из самых «петербургских» офортов мастера. Заснеженная мостовая, неубранные сугробы у дверей складских зданий, уходящие ввысь бесконечные брандмауэры и фасады доходных домов. А еще выше — целый лес труб и воздухопроводов. Холодно. Ветра нет. Вьющийся из труб дым вертикальными жгутами поднимается в монотонно-серое небо. Человек в тулупе и валенках, зябко прижимая к бокам руки, спешит в спасительное тепло — туда, где в утреннем сумраке светятся окна. Этот ледяной холод настолько ощутим, что, кажется, можно услышать скрип снега под ногами. Поражает почти человеческая осмысленность зданий. Однообразие ритма, заданного их вертикальными линиями и продолженного полосами поднимающегося из труб дыма, перебивается разницей в высоте крыш и создает впечатлительное собравшейся толпы. Кажется, что не одинокий утренний пешеход шагает в глубь улицы, а огромная каменная масса надвигается на зрителя, грозя поглотить маленькую человеческую фигуру. Если бы не катушка от кабеля на переднем плане, электрические провода и лампочка фонаря, этот офорт мог бы служить иллюстрацией к Достоевскому.

Отдельная ценность работы в том, что Колокольцев успел запечатлеть «уходящую натуру» — облик одного из старейших городских районов, сохранявшийся со второй половины XIX века почти до конца XX. В конце 70-х ему пришлось регулярно там бывать, так как он работал в оформительской мастерской, располагавшейся на территории Апраксина двора. Тогда там еще не было оптового рынка, и большую часть зданий арендовали разнообразные конторы и мастерские. В одной из них, занимавшейся оформлением витрин, художник работал после возвращения из армии. В те зимы он носил тяжелый, но очень теплый деревенский тулуп, доставшийся от кого-то в наследство. Вполне возможно, что, изображая идущего по утреннему морозу человека, мастер имел в виду самого себя.

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРАМЫ В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Часть 5

ОРАНИЕНБАУМ

Ораниенбаум был основан Александром Даниловичем Меншиковым (ок. 1670—1729) в 1707 году; эти земли ему подарил Петр I. Меншиков назвал свои владения *Ораниенбаум* (померанцевое дерево) и отстроился раньше, чем царь в Петергофе. По легенде, морской канал был вырыт за одну ночь, чтобы Петр смог прибыть к светлейшему князю по воде.

При Екатерине I, вдове Петра I, обязанной Меншикову возведением на престол, он был самовластным правителем государства, но решил еще более укрепить личную власть браком своей дочери с царевичем Петром Алексеевичем. При воцарении последнего (Петр II) Меншиков стал генералиссимусом, но Долгоруким удалось «свалить» его и отправить в ссылку. Об одном из эпизодов «подковерной борьбы» повествует Кристоф Герман Манштейн (1711—1757), состоявший на русской службе в 1736—1744 годах: «Меншиков опасно заболел, чем и воспользовались его враги для окончательной его гибели. Князя Долгорукие, в особенности князь Иван, в то время уже входивший в большую милость, совершенно погубили его в мнении государя. Все эти козни были известны Меншикову, как и потеря его значения, но он надеялся не сегодня завтра снова войти в милость и произвести впечатление на императора своим обычным повелительным тоном.

После своего выздоровления Меншиков сделал другую ошибку. Вместо того чтобы отправиться в Петергоф, куда переехал Двор во время его болезни, он поехал в **Ораниенбаум**, свой загородный дворец, в восьми верстах от Петергофа. У него тут строилась **церковь**, которую он хотел освятить. На эту церемонию были приглашены император и весь двор. Но так как врагам Меншикова грозила месть в случае его примирения с государем, то они научили последнего отказаться от приглашения под предлогом нездоровья, что он и сделал. Меншиков, однако, еще не видел в этом доказательства совершенной немилости; он снова поступил неосторожно, заняв во время церемонии

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

место в виде трона, предназначенное для императора. И это обстоятельство взяли на вооружение его враги и тем довершили его гибель»¹.

Дальнейшая судьба Ораниенбаума была связана с именем великого князя Петра Федоровича. По отцовской линии он был внуком шведского короля Карла XII, в детстве он воспитывался в лютеранской вере как наследник шведского престола. В 1742 году императрица Елизавета Петровна привезла его в Россию и объявила своим наследником. Вот что сообщает об этом К.-Г. Манштейн: «В январе (1742) прибыл в Петербург герцог Голштейнский. Императрица (Елизавета) вызвала его сразу же по вступлении на престол. Она была очень рада видеть своего племянника и преемника; несколько месяцев спустя принц отрекся от протестантской религии в московской соборной церкви и принял греко-восточную веру. Он был объявлен великим князем и законным наследником империи; все по этому случаю дали новую присягу»².

К.-Г. Манштейну вторит Генрих фон Реймерс: «Несколько недель спустя после своего восшествия на престол императрица пригласила своего тогда 14-летнего племянника Карла-Петера Ульриха, который с 1739 г. был правящим герцогом Шлезвиг-Голштинии, в Петербург, где тот был встречен с большой торжественностью в конце января 1742 г. и поселен в императорском Зимнем дворце. Несколько месяцев спустя в кафедральном соборе Москвы принц отрекся от протестантского вероисповедания, перешел в греческое и принял при святом помазании имя Петра Федоровича. В манифесте от 7 ноября 1742 г. он был объявлен великим князем и наследником российского трона, и все сословия империи присягнули на верность законному наследнику русского престола, внуку Петра Великого»³.

В 1744-м Петр женился на принцессе Софии Ангальт-Цербстской (будущей императрице Екатерине II). Придворный церковный быт в Ораниенбауме, с 1743 года использовавшемся в качестве царской загородной резиденции великого князя Петра Федоровича (будущего императора Петра III), описывает итальянец Мизере, статский советник, состоявший на службе при Петре III (1728–1762).

Взойдя на престол 25 декабря 1761 года, Петр III, по свидетельствам современников, «приказал выносить иконы из домовых церквей, созвал в Пруссии конклав для обсуждения мер к объявлению в России лютеранства господствующей верой»⁴. Вот что писал о церковной политике Петра III немецкий историк Август Людвиг Шлецер, живший в те годы в России: «Сказать правду, Петр III выводил из терпения. Уже одно презрение, оказываемое русскому духовенству и богослужению в сравнении с приличием, с каким он присутствовал при лютеранском богослужении в Кронштадте, должно было раздражить всю нацию»⁵. По словам графа Миниха⁶, «неизвестно, каковы были религиозные убеждения императора, но все видели, что во время богослужения он был крайне невнимателен и подавал повод к соблазну, беспрестанно переходя с одной стороны церкви на другую, чтобы болтать с дамами»⁷.

Еще один немецкий автор, Генрих фон Реймерс, солидарен со своими земляками в оценке Петра III. «Он распорядился не принимать послушников в монастыри прежде,

¹ Манштейн Кристоф. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 13.

² Там же. С. 321–322.

³ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 178–179.

⁴ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем // Русский архив, 1911, № 5. С. 21.

⁵ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная (Пребывание и служба в России от 1761-го до 1765 года) // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. СПб., 1875. С. 97.

⁶ Граф Бурхард Кристоф фон Мюнних (нем. Burkhard Christoph von Münnich, в России был известен как Христофор Антонович Миних (1683, Нойенхунторф, Ольденбург — 1767, Санкт-Петербург) — российский генерал-фельдмаршал немецкого происхождения.

⁷ Записки фельдмаршала графа Миниха. М., 2017. С. 127.